

Анатолий САХОНЕНКО

Родился в 1975 году в Мурманске. Учился в торгово-экономическом техникуме. Работает в сфере торговой логистики. Публиковался в журналах «Уральский следопыт», «Смена», «Южная Звезда» и других.
Живет в Мурманске.

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК

Утром, в те ранние часы, когда он просыпался первым, он всегда аккуратно, чтобы не спугнуть хрупкий предрассветный сон, наклонялся над её головой и тихонько целовал прямо в макушку. Но, несмотря на всю осторожность, чаще всего не нарушить сон не удавалось. Такая традиция сложилась за долгие годы их совместной жизни и очень ему нравилась, несмотря на возмущённое поскрипывание или ворчание спресонок. По поводу того, что ей ещё рано вставать или: «Что ты за эгоист такой, не даёшь мне никогда выспаться». Ему же, помимо того, что приятно было вдохнуть аромат любимых пушистых волос, забавна была её реакция на бесцеремонное вторжение в святая святых – в утренний сон. Реакция, колеблющаяся от резко негативной (когда запросто можно услышать про себя такие вещи, которые в себе и не подозреваешь) до относительно спокойной, ограничивающейся тем самым недружелюбным поскрипыванием на еле уловимом для слуха уровне. Перерывы в этом своеобразном развлечении случались, но нечасто – в те дни, когда они пребывали в ссоре и спали в разных комнатах. Но даже и тогда, при условии, что обида с её стороны не была «смертельной», он старался выполнить свой утренний ритуал. Если же такая ситуация повторялась несколько дней кряду, то иногда он слышал в свой адрес обещание:

– Завтра я специально встану раньше и разбужу тебя ни свет ни заря – хорошо тебе будет?

Он соглашался, но при этом добавлял:

– Только при условии: разбудить тем же способом, что и я тебя!

Но почему-то этого так ни разу и не дождался...

В то самое утро, когда он впервые почувствовал запах, всё должно было идти как всегда: никаких происшествий, ничего неожиданного, всё такое уютное и милое. По графику у неё стояла вторая смена на работе, поэтому он, проснувшись первым, машинально-привычным движением склонился над её головой. Но что-то странное, необычное отвлекло его внимание, не дав с ходу окунуться губами в пушистое море. Замерев на мгновение буквально в сантиметре от подушки, он почувствовал какой-то новый запах от её волос. Запах этот был абсолютно посторонним и примешивался к обычному, даже слегка его

перебивая. Он не был резким или неприятным, чуть-чуть горький, да. Но главное, он не был замечен никогда ранее. А сейчас вдруг появился, откуда ни возьмись. Что для его жены, которая пользовалась всегда одними и теми же проверенными средствами, было совсем несвойственно. Она не любила экспериментов, в том числе и в выборе шампуней. Однако времени на размышления в связи с этим не было – он быстро, едва прикоснувшись к волосам, «клянул» её в голову и, не дожидаясь ответной реакции, вышел из спальни.

Немного позже, за чашкой кофе, он вдруг опять отчётливо, но всего на мгновение почувствовал этот новый запах. Как-то неуловимо тот просочился сквозь кофейную преграду и так же таинственно исчез. Неуверенно, сам себе пожав плечами, словно стремясь стряхнуть это навязание, он поспешил выйти из дому, досадуя, что забивает свою голову всякой ерундой. С другой стороны, такой незнакомый запах от такой знакомой жены может ведь значить и что-то более серьёзное, если на секунду дать волю своей фантазии и подозрительности. Но едва он вышел за порог, в парадную, все эти дурные мысли сразу улетучились – обычный ежедневный бег начался. Агнесса, воспитанная и жизнерадостная бульдожка с третьего этажа, всегда выходившая на прогулку в то время, когда он отправлялся на работу, каждый раз норовила познакомиться с ним всё ближе и ближе – как он ни прижимался к стене, как ни пытался проскочить мимо козлик, мокрые следы её восторга неизменно оставались у него на брюках. Или всё-таки дело в её хозяйке по имени Алевтина, симпатичной молодящейся шатенке? Ведь следуя здравому смыслу, собака же не сама выбирает время для прогулки! Никогда не допускавший даже мысли о возможном, а точнее, о невозможном адюльтере, он гнал от себя саму тень соблазна – «а что, если вдруг...»

Рывок на остановку за вечно пытающимся сбежать автобусом, а затем очередной сумбурный день, наполненный звонками, разговорами, суетой и житейскими заботами, и вовсе стёрли из памяти утреннее недоразумение.

Каково же было его удивление, когда на следующее утро, проснувшись, он первым делом опять почувствовал тот же самый запах! Жена уже ушла на работу, но запах задержался на её подушке, будоража воображение и подпитывая страшные подозрения. Причём ему показалось, что даже стал более резким, тяжёлым. Твёрдо решив выяснить, в чём же дело, он отправился в ванную комнату и минут пять, сознавая всю ненормальность ситуации, разглядывал полочку с шампунями и бальзамами для волос, как будто надеясь найти там какой-то ответ, но, конечно, безрезультатно. Шампуни вроде бы были все прежние, но нельзя было поручиться за это на все сто процентов. Подавив невероятным усилием воли желание позвонить жене на работу и устроить допрос по телефону, он взял-таки себя в руки, решив перенести разговор на вечер. «Наверняка ничего серьёзного, сам себя накручиваю. Что за глупости?» – наиболее оптимальная позиция, чтобы не мучиться и не страдать, пока нет существенной причины. То, что у него есть такая черта в характере – из пустяка раздуть глобальную проблему, – он старался не забывать. «Мнительный мазохист», – так изредка он шутил о себе.

Однако день решил всё-таки не заладиться: два неприятных, сложных разговора ждали его сегодня. Точнее, один разговор, на одну тему, но поочередно, с двумя старыми приятелями. Разговор этот вертелся вокруг бильярда, точнее, вокруг того, что он уже давно перестал приходить на их совместные мини-турниры. Раньше они собирались четвером раз

в неделю, в общий выходной, и устраивали ночь бильярда – играли пара на пару, вызывали на командный поединок других завсегдатаев бара. Все четверо с детства любили игру на бильярде, одно время в их кружке даже витала идея поставить у кого-нибудь дома стол и собираться по-домашнему и чаще. А закончилось это тем, что он почти перестал появляться на их мероприятиях, – жена считала, что выходные нужно проводить исключительно в семейном кругу. Днём – поход в большой ТРК, иногда фитнес-центр, а вечером можно устроить просмотр новой мелодрамы с бокалом вина. Ну или к родителям, на отчёт. Все его старания вырваться из этого начертанного ею круга принимались в штыки. И если поначалу прогулы его были редки, казались больше случайными, чем закономерными, то вот уже как полгода ему удавалось вырваться максимум раз в месяц. Он постоянно придумывал какие-то непреодолимые обстоятельства, форс-мажорные ситуации, но друзья, понятное дело, совсем перестали ему верить. Тем не менее они, верные их старому союзу, искать ему замену считали неким предательством и намеревались завлечь его обратно. Вот такие разговоры, наполненные упрёками, претензиями, попытками вырвать у него обещание явиться, пришлось ему выдержать в тот день. Как и прежде, ему не оставалось ничего другого, кроме как выдать очередные обязательства своего участия в совместных сборищах. Обязательства – и он понимал это, – которые вряд ли у него получится выполнить полностью. Ошибся же он только в причинах этого.

Вечером, уже дома, он очень осторожно, стараясь не разжечь пожар своими подозрениями, поинтересовался у жены: меняла ли она шампунь или бальзам для волос в последнее время или, может, стала пользоваться новой туалетной водой? Получив отрицательный ответ, ему, со своей стороны, тоже пришлось удовлетворить её любопытство о цели расспросов. Торжественно признавшись, что уже которое утро чувствует от неё, от её волос новый запах, он внимательно стал следить за реакцией, пытаясь определить для себя, есть ли вообще смысл волноваться по этому поводу. Но прояснить так ничего и не удалось – ещё раз подтвердив, что ничего нового в свой косметический рацион не вводила, она поинтересовалась:

– А что, запах неприятный, не нравится тебе?

– Не то чтобы он мне не нравится, просто он совсем незнакомый, не могу его разобрать. Не духи точно, но и не шампунь. Не знаю.

– Ну, тогда и не морочь мне голову и себе заодно!

Вероятно, этой установкой всё бы и закончилось, наверняка он бы так и поступил, но позже, укладываясь спать, в непосредственной от неё близости он снова почувствовал не признанное ими обоими преступное амбре. И опять, как и в предыдущих случаях, он сопоставил этот запах с ней, определил его принадлежность жене, но повторно начинать разговор не стал. Было понятно, что если он и узнает происхождение таинственного запаха, то точно не от неё. Утром же случилось то, что происходило только во время серьёзных обострений в их отношениях: он, встав первым, не стал её целовать. Но не ссора стала причиной такого невнимания, а то, что пробуждение его наполнено было этим самым, навязчивым уже до возмутительности запахом. Едва открыв глаза, ещё не до конца перейдя ту грань, что отделяет объятия Морфея от реальности, он словно окунулся в него с головой. И сам запах стал гораздо резче, отчётливей и неумолимостью своей раздражал уже не на шутку. Но вот удивительно: запах, словно поиграв с ним, подразнив, создав переполох в мыслях, как-то быстро улетучился.

От него, секунду назад такого неотступного, не осталось ни малейшей тени. Ситуация эта повторялась как по расписанию, два раза в день – утром и вечером, рядом с женой или после встреч с ней его преследовал этот запах, всегда по одной и той же схеме: налетев, как порыв ветра, растревожив обоняние, он точно так же стремительно исчезал. Изредка он посещал его и вне дома, на работе, но в подавляющем большинстве случаев неразрывно был связан с его второй половиной. Она же в те моменты, когда он пытался возобновить своё расследование, сначала удивлялась, так как никакого необычного запаха не чувствовала, а потом и вовсе потеряла интерес к этой теме, видимо, посчитав, что если это такие игры с его стороны, то они непозволительно затянулись. Со временем коварный запах из нейтрального, доставляющего только лёгкое беспокойство своим неустановленным происхождением, превратился в настоящее мучение для его нервов.

Так пролетело две недели, всё шло в рутинном режиме: утром – на работу; в парадной – Агнесса, норвящая войти к нему в доверие, и её хозяйка, бросающая на него томные взгляды; после работы – в магазин; потом – домой на ужин. Пока не встретил старого знакомого и, вспомнив, что тот где-то когда-то учился по медицинскому направлению, не спросил у него совета насчёт всей этой истории. Каким же было для него потрясением, когда тот, разбавляя своё пояснение мудрёными медицинскими терминами, рассказал ему, что появление каких-то посторонних, неестественных запахов может означать серьёзное заболевание, связанное с гормональными нарушениями! Добавив, по-видимому, для успокоения, что в большинстве случаев в группе риска женщины, приятель посоветовал отправить жену на обследование и написал ему в СМС название этой болезни. «Не затягивайте с этим!» – напутствовал он.

В тот день, придя домой в крайне сильном смятении, он сначала включил ноутбук (а обычно он сразу бежал в душ) и набрал название болезни в поисковике. Первая же статья, посвящённая этому заболеванию, подтвердила всю информацию, выданную его товарищем. Да, один из симптомов – непонятные запахи, да, если вовремя не среагировать, болезнь может быть смертельной. Он почувствовал лёгкую панику, стало холодно так, словно его окунули в ледяную прорубь. Даже не дочитав до конца, выхватив для себя только основные моменты, он в полной прострации всё же отправился в душ, стараясь избежать встречи с женой. Испугался, что слёзы, так предательски подступившие к глазам, его выдадут. И что он тогда ей скажет?! Там, включив максимальный напор, сделав погорячее, насколько можно выдержать, он попытался собраться с мыслями.

«Сначала нужно как-то ей объяснить, почему нужно обследование. А с другой стороны, может, лучше сразу ничего про это не говорить, а придумать какой-нибудь “левый” предлог? Вдруг всё обойдётся, и смысл тогда её раньше времени огорчать? Но и время терять нельзя...» Сумбур в голове рос по мере появления разных вариантов для дальнейших действий. Неожиданно в дверь ванной постучали:

– Ты не заснул там? Всё давно остыло!

– Да, выхожу, – появившись на кухне, он старательно прятал глаза, не отводя их от тарелки.

Он совершенно не мог понять, не знал, как начать этот разговор. Вяло поковырявшись в еде, чем немало удивил жену, привыкшую к его аппетиту, он принял единственно верное решение – перенести объяснения на следующий день. «Ещё раз обдумаю, как и что сказать, чтоб мягче

и деликатней получилось», – такое решение показалось ему мудрым, правда, на секунду мелькнула мысль, что он смалодушничал, струсил... Но только на секунду. Хотя и на следующий день, и через день он так и не набрался смелости, чтобы приступить к задуманному. Ничего, кроме избитой фразы «нам нужно серьёзно поговорить», в голову не приходило, но слишком часто эта фраза использовалась для обсуждения обыденных вещей. И это его смущало. Он не мог себе представить реакцию жены на такое известие. Что может чувствовать человек, которому сообщают такую новость? Здесь тоже была заминка – он не мог решиться сказать ключевую фразу. Как вообще она должна звучать? «Дорогая, не хотел бы тебя расстраивать, но ты опасно больна»?

Нет, надо отдать должное: он уже почти начинал разговор, но неизменно осекался, терял мысль и натужно переводил его на совсем отвлечённую тему. Ему хотелось найти какие-то особенные слова – слова, которые бы соответствовали такой ситуации. Но у него не получалось, и в конце концов он нашёл новую отговорку для переноса. «Расскажу всё на выходных! В будни по вечерам все уставшие, времени для серьёзного разговора нет, а там как раз и время будет, и мысли появятся».

Дотянуть же до выходных и не проговориться оказалось сложнее, чем он думал. Каждый раз, обсуждая с женой те или другие домашние дела, он старался не выдать своё настроение, показательно держался бодрячком, но, видимо, что-то фальшивое сквозило во всём его виде, так что она пару раз даже поинтересовалась, что с ним. А настроение у него было аховое – привычка прогнозировать всё самое плохое рисовала в его воображении ужасные картины.

Врачи ставят неутешительный диагноз. «Вы слишком поздно к нам обратились». И вот он уже сидит в больнице, у постели умирающей жены.

В такие моменты, когда самые худшие предположения овладевали им, он, стараясь не смотреть на жену, чтобы себя не выдать, сбегал в ванную и долго стоял под душем. И там уже давал волю своим эмоциям, вода и слёзы смешивались и утекали, и он выходил, на какое-то время успокоившись.

А в субботу весь его тщательно выстраданный план рухнул, как карточный домик. Замешкавшись с утра, он, выйдя из спальни, обнаружил, что его жена куда-то собралась и стоит в прихожей уже почти одетая. Очень удивившись, что он ничего не знает о её раннем уходе из дома, он получил весьма легкомысленный ответ в свойственном ей стиле:

– А что, я разве тебе не говорила вчера? Нет? Странно... Мы с девочками в фитнес-центр, на целый день. Но мне кажется, я говорила тебе! Ты пропустил мимо ушей, как обычно!

И быстро упорхнула, давая понять, что никакой спор ей не интересен, тем более в начале выходного, обещающего быть ярким и наполненным всяческими приятными событиями. Так он и остался стоять, тупо уставившись на закрывшуюся за ней дверь, медленно закипая из-за того, что опять всё пошло не так, как он задумал. И впервые у него мелькнуло в голове что-то злое! «Ладно, посмотрим, как ты запоёшь, когда...» Тут же, словно устыдившись, он отогнал эти мысли прочь: «Ну она-то откуда знает, что у меня важный разговор? Я же не предупреждал. Правда, и сама могла сказать, что на фитнес с утра идёт!» Затем он вспомнил, что такие ситуации, когда она куда-то собиралась, с кем-то о чём-то договаривалась, планировала своё время и при этом не ставила его в известность, были неотъемлемой частью их семейной жизни. И если до этого

он как-то привык к её пренебрежению и смотрел на это снисходительно, то вот сегодня это уже было чересчур. Опять нечто предательское зашевелилось у него в подсознании, но, не дав этому нечто оформиться во что-то связное, он пресёк бунт: «В конце концов, день только начался – вечером сядем и поговорим. Да и завтра выходной».

Только ни вечером, ни в воскресенье никакого разговора опять не получилось. После фитнеса ему было сказано: «Я так устала, тренер нас так затаскал – еле на ногах стою. Давай потом?» Ну а в воскресенье оказалось, что «мама ждёт нас, у неё важная дата – день, когда познакомились её родители» или что-то в этом роде. Нужно обязательно быть, и мило улыбаться, и радоваться всем вместе, и что у них тоже крепкий союз, продемонстрировать. И вот это он ненавидел ещё больше – одно дело, если она забывала его предупредить о своих планах, но совсем переходило все границы, когда в последний момент он узнавал, что сам должен куда-то идти. В начале их совместной жизни он ещё как-то боролся с такой беспардонностью, но потом плюнул – больше уходило нервов, причём напрасно.

Отбывая же на семейном торжестве очередную повинность, он вдруг отчётливо понял, как от всего этого устал. В какой тупик зашли их отношения, если они не могут просто сесть и спокойно обсудить что-то важное, касающееся их обоих. Как его измучила жизнь галопом, когда не получается найти время и сказать жене, что, возможно, она опасно больна. И вот тут в его голову пришла мысль, от которой он просто оторопел, испугался её преступности и подлости, испугался так, что сразу стал выпихивать её обратно, куда-то, откуда она появилась, лишь бы от неё не осталось и следа. Он на минуточку, буквально на самую малость, представил, что остался один, что её больше нет. Представил, как он убит горем, как все его поддерживают и утешают. Все друзья и коллеги подчёркнуто внимательны и деликатны. Как он мужественно переносит эту утрату, как ему плохо и тоскливо. Хочется выть от отчаяния! Но он всё выдерживает – время залечивает и такие раны тоже. И вот он уже восстал из пепла, возродился для новой жизни. И для новых отношений!

Когда они вернулись от её родителей, у него уже не было ни сил, ни желания начинать объяснения с женой. Хотелось махнуть на всё рукой – пусть будет как будет! А позже, когда он лёг спать, гаденькие мыслишки опять стали будоражить его воображение, перед глазами почему-то замаячила Агнесса, то есть не она, конечно, а её хозяйка, и она очень откровенно намекала на всяческие радости, связанные с её несомненными достоинствами. Собака вертелась тут же и, прыгая невероятно высоко, своим шершавым, тёплым языком лизала его прямо в нос. Он зачихался, как вдруг в их компании обнаружился один из его друзей и, укоризненно попеняв ему на то, что он опять пропустил игру на бильярде, заговорщически подмигивая, стал соблазнять его тем, что «и стол можно было бы к тебе поставить» и «смотри, какая красotka вокруг тебя вьётся», почему-то указывая ему при этом в сторону собаки. Затем, взявшись за руки, причём Агнесса увеличилась до человеческих размеров, они стали водить вокруг него хоровод и петь тоненькими, дурашливыми голосами. После этого началось нагромождение совсем уже каких-то диких, не поддающихся никакому пониманию образов, и он провалился в глубокий сон.

Проснувшись утром с тяжёлой головой, он даже обрадовался, что один в квартире, долго вспоминал свой сон, а вспомнив, пришёл к выводу о разумности некоторых доводов, проявившихся в этом сне. На самом деле, он мог бы зажить абсолютно другой жизнью – жизнью спокойной, уравновешенной, но направленной, при всей своей положительности,

на извлечение из неё удовольствий. «И да, – сказал он сам себе, – стол можно будет поставить в комнату». Но, снова почувствовав укол совести, он отогнал эти фантазии, которые по справедливости, при живой ещё супруге, были, конечно, омерзительно подлыми. И до того ему стало противно и гадко на душе, что он перенёс свой выход из дома на пять минут, перенёс с целью избежать ежедневной встречи в парадной.

Он с ужасом вспомнил, что после разговора с товарищем прошла уже неделя, а с момента, как он впервые почувствовал запах, – целых три. Вспомнил, как долго и, казалось, безнадежно ухаживал за женой, как от радости чуть не выпрыгнул из штанов, когда она ответила ему взаимностью. Как день, когда она согласилась выйти за него, стал для него самым счастливым днём в его жизни. К нему пришло отчётливое осознание того, что нельзя, даже мысленно, даже если в последнее время отношения пошли наперекосяк, ставить под сомнение супружескую верность и преданность. Что жена, при всех её недостатках, обнаруженных за эти годы, всё же не бильярдный стол, не друзья-товарищи, какими бы распрекрасными они ни были, и даже не Агнес... тьфу, не соседка, бросающая на него откровенные взгляды. Что любимая жена – это надолго, даже, наверно, навсегда.

Спустя десять дней они сидели в медицинском центре, удобно устроившись в креслах приёмного кабинета, ожидая результаты анализов. В тот час – час его внутреннего раскаяния перед самим собой – он позвонил в медицинский центр и договорился о первичном обследовании, заказав сдачу анализов на двоих. Оплатил вперёд, что было не в его правилах – он любил откладывать расчёт до последнего, – настраивая себя на то, что время для глупых фантазий и колебаний закончилось и нельзя терять ни минуты. Зная, как его жена не любит обращаться к врачам, он решился на самый весомый и не поддающийся оспариванию аргумент. Сдавать анализы они будут вместе: они уже достаточно долго женаты – годы идут, и пора подумать о ребёнке! А для этого желательно... нет, необходимо пройти хотя бы минимальное обследование! Да и стариков пора уже обрадовать!

Ошарашенная такими доводами жена, немного повозмущавшись из принципа, конечно, согласилась. Сам же он планировал, сдав анализы, в дальнейшем от обследования увильнуть, так как уже выяснится её недуг. По крайней мере так он себе нарисовал эту картину. Все десять дней он был с ней максимально вежлив и предупредителен, говорил ласковые слова и практически перестал с ней препираться. Ещё недавно на споры и выяснение отношений у них уходила куча времени, а сейчас он во всём с ней соглашался. Он, уверив себя в её болезни, был с ней мягок и внимателен к её капризам. Жена, отвыкшая от таких нежностей, даже пошутила однажды:

– Если бы я тебя не знала, то подумала бы, что ты мне изменил! Цветов только не хватает для полноты ощущения!

Он смутился и после работы забежал в цветочный ларёк. Закончилось тогда всё очень хорошо. Уже ночью, обняв её и засыпая, он подумал: «Вот почему, чтобы вернуть прежние отношения, чтобы понять, как тебе дорог человек, нужно обязательно бояться его потерять?»

В кабинете он взял руку жены в свою, понимая, что когда она узнает, он должен быть к ней как можно ближе, и поэтому лучше держать её за руку. Она удивлённо приподняла брови, но улыбнулась – к хорошему привыкаешь быстро. Доктор, ещё раз уточнив их фамилию, поблёскивая стёклами очков, перебирал на столе бумажки с анализами, но почему-то никак не мог найти их результаты. Он даже запыхтел от усердия,

а потом, вдруг щёлкнув пальцами, полез в отдельный лоток с наклейкой «срочно, важно», видимо, вспомнив что-то. Вот эта надпись «срочно, важно», сделанная к тому же большим шрифтом, сразу сгустила атмосферу в кабинете – возникло напряжение, осязаемое почти физически; всё стало тягучим и неестественным, как в замедленной съёмке. Он почувствовал, что рука его похолодела: то, что он давно уже знал, сейчас должно было приобрести официально подтверждённый статус.

– Ну-с, друзья мои, новости, конечно, не совсем хорошие. Прямо скажем, неприятные новости, – доктор заметно волновался, и волнение его передалось им, накрыв волной липкого, противного беспокойства.

Он ещё крепче сжал её ладонь, давая таким образом понять, что всегда будет рядом, что бы ни случилось, и какой бы ни был диагноз, она может не сомневаться в его поддержке.

– Послушайте, у вас довольно редкое заболевание, связанное с нарушением гормональных функций организма. Мы относим такие заболевания к классу эндокринных. Да... Впрочем, это не настолько важно сейчас. Главное – понять, начался ли опухолевый процесс, и принять срочные меры по его купированию. Для этого понадобится более тщательное обследование. Но хорошо, что мы выявили болезнь на достаточно ранней стадии, чтобы успеть использовать все средства для лечения! – доктор, поборов эмоции, уже вошёл в свою стихию и уверенно оперировал медицинскими терминами.

Они с женой переглянулись, и тут она задала вопрос, показавшийся ему в тот момент очень странным:

– Доктор, так это заболевание, как вы там его назвали... оно что, у нас обоих? Разве так бывает?

– Ох, извините, что-то я растерялся немного, не с того начал, – доктор в самом деле выглядел слегка обескураженным. – Нет, конечно. Речь идёт о вашем муже! Но ещё раз хочу повториться: вы не переживайте сильно, ключевое – что болезнь в самом начале развития и, собственно, всё в наших руках! – Он старался, чтобы его слова звучали убедительно. – Мы сможем всю ситуацию держать под контролем, я вам сейчас напишу направление на углублённое обследование, а кое-какие препараты для повышения... – тут доктор опять употребил специфический термин, – принимать начнём уже сегодня.

Он же сидел ошеломлённый, не воспринимая окружающее, – так, вероятно, чувствует себя человек, к которому подкрались сзади и дали по голове чем-то тяжёлым. Не убили, нет, но внутренне он чувствует себя именно так! Мысли его скакали, как блохи, перепрыгивая с одного направления на другое, лихорадочно пытаясь уцепиться за что-то, что вернуло бы его на твёрдую почву.

«При чём здесь вообще я, это же она заболела... Что он там болтает, понятно же, что анализы перепутаны... и предрасположенность ведь у женщин... что теперь – лучевая терапия, биохимия... нет, этого не может быть, запах же от неё непонятный... а вот, точно, запах!»

Ухватившись за эту спасительную идею, постаравшись придать своему голосу уверенность, он, как ему показалось, хладнокровно обратился к доктору:

– У вас наверняка перепутаны анализы, у меня же никаких симптомов нет! А вот у жены симптомы я уже три недели замечаю, – при этом заявлении он краем глаза заметил её изумлённый взгляд, направленный в его сторону. – Я тебе потом всё объясню! – на секунду обратившись к ней, он вопросительно уставился на доктора.

Тот, ещё раз пробежавшись по своим бумажкам, пожал плечами.

– Да нет. Никакой ошибки, у нас всё строго. К сожалению, у вас обнаружены все признаки этого заболевания. Есть, конечно, небольшой шанс на естественную ремиссию, но обольщаться не стоит – на моей памяти такого не происходило. Крайне призрачный шанс...

– А то, что эта болезнь – женская, ею преимущественно женщины болеют? – он ещё пытался ухватиться за последнюю соломинку, уже совершенно не обращая внимания на удивлённое лицо жены.

– Это не более чем домыслы, не подтверждённые никакими доказательствами. Женщины болеют чаще, это да. Но не в таких пропорциях, чтобы назвать эту болезнь женской. Кстати, вот вы говорили про какие-то симптомы у жены. Если можно, расскажите поподробнее об этом. Откуда вы это взяли?

– Ну, я стал чувствовать от неё запах, которого прежде не замечал, непонятно было, откуда он вообще взялся... Потом мне сказали про это заболевание... Я посмотрел в интернете статью, на медицинском сайте. Там было написано, что первый признак – появление странных запахов. Ну, я и подумал... насчёт обследования... – голос его звенел натянутой струной, готовой вот-вот оборваться.

– Я вас понял. Да, есть такое – когда запах неожиданно появляется и так же резко исчезает. А сайт не помните, как называется? – Доктор смотрел на него с явно читающейся жалостью – так смотрят на больных, лишившихся последней надежды, но тщетно цепляющихся за какую-нибудь мелочь.

– Да там первый сайт по ссылке, в Яндексе, он на самом верху в поиске!

Доктор, повернувшись к монитору, несколько минут пристально изучал содержимое статьи, потом, покрутив пальцами ручку, стал что-то писать на бумаге. Затем отложил всё это в сторону, долго тёр тыльной стороной ладони подбородок, вздохнул – стало понятно, что он тянет время.

– Ну так что? Что там написано? – её слова прозвучали слишком громко, но тон был спокойным как никогда.

Доктор же, очнувшись, всё своё внимание направил в его сторону, аккуратно подбирая слова, словно боялся обидеть.

– Вы знаете... Вы, наверно, тогда сильно расстроились, растерялись! Переживали за близкого человека... Это и понятно! Торопились, когда читали... Поэтому не обратили внимания на детали: там написано, что признаком заболевания является не запах от человека – от людей вообще разные запахи бывают, – а именно то, что человек заболевший сам начинает чувствовать непонятные запахи! Вот у такого человека это и есть начальный симптом заболевания!

В кабинете повисла тишина. Такая тишина бывает, когда присутствующим не хватает смелости что-либо сказать, все опасаются ляпнуть что-то глупое, не соответствующее ситуации, и тем самым сделать ещё хуже. Были слышны только тревожно гудящий компьютер и прорывающийся из окна шум города.

Он на ватных ногах встал с кресла и, как-то несуразно съёжившись, не дожидаясь жену, потащился в сторону двери. В голове крутилась только одна мысль: «Где же я нагрешил-то так? Почему это случилось именно со мной?»

Утром, в те ранние часы, когда он просыпался первым, он всегда наклонялся над ещё спящей женой и аккуратно целовал её...